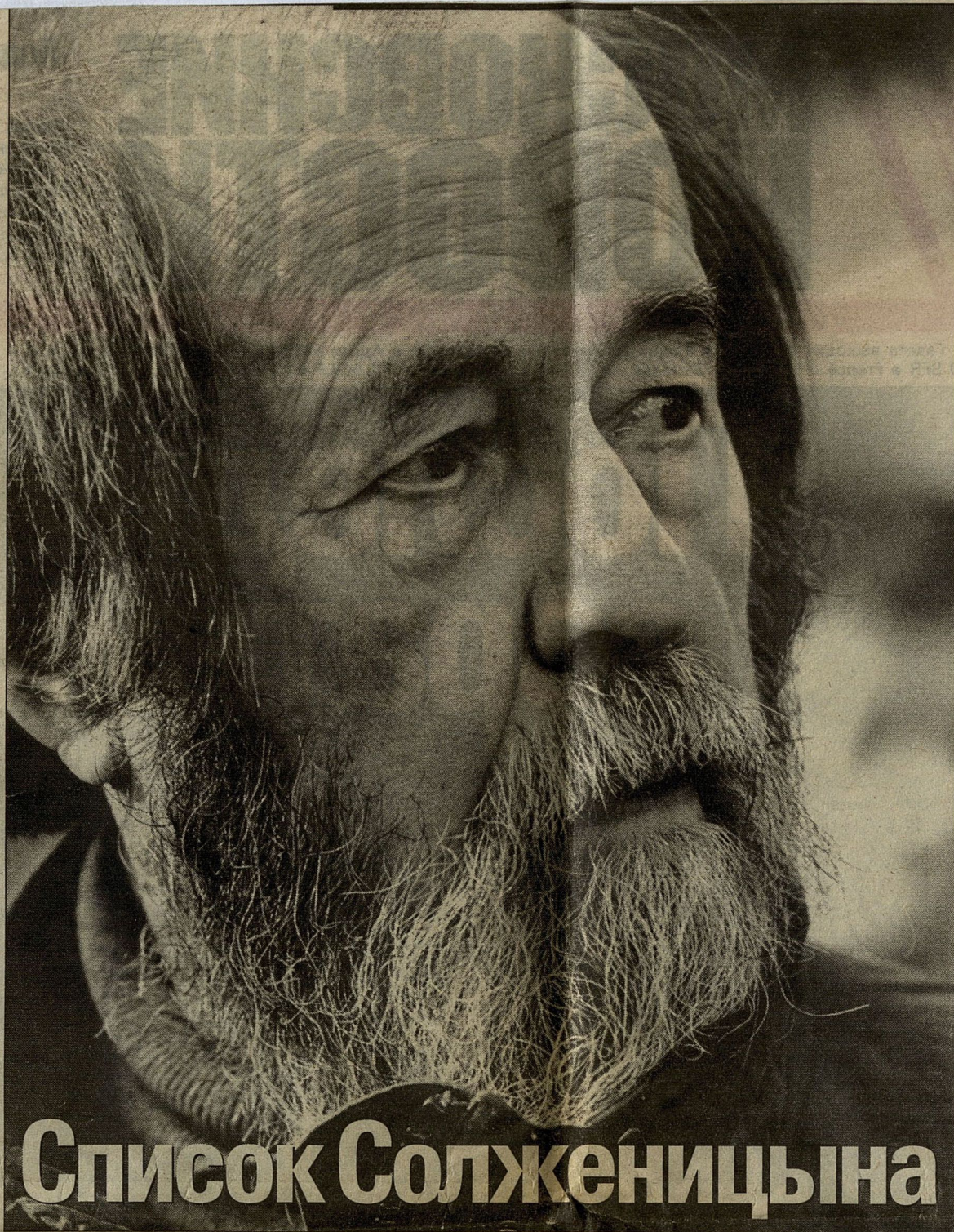

**11 декабря
Александру
Солженицыну
исполняется
80 лет.
Пожив на свете
восемь
десятилетий,
писатель
совершил
колоссальный
труд — осмыслил
и оценил
современность.
Наше дело —
осмыслить
и оценить
Солженицына**

Список Солженицына

Этим летом, еще в докризисную пору, подарил мне Александр Исаевич свою книжечку «Россия в обвале», сказав, что это последнее его выступление такого рода, больше он политикой не занимается. Хочется верить, не чувство безнадежности им владело перед уходом из публицистики, не возрастная усталость, но сознание исполненного долга — писательского и гражданского. Чтобы этот долг исполнить, пожилой человек за четыре года объездил 26 областей, встречался с тысячами людей, выслушивал их жалобы и сетования, затем перечитывал ворохи писем, обобщал, систематизировал, кому-то и отвечал. Обыкновенному человеку и одна содержательная беседа на дню в нагрузку. Но кто сказал, что Солженицын — обыкновенный?

И вышла его книжка — итог всех исследований и раздумий — тиражом в 5000. В наше перевернутое время тем меньший тираж у книги, чем она значительней. Я не пишу рецензию, она в этом не нуждается, лишь изложу несколько разрозненных мыслей, возникших при чтении.

АВГУСТ 1991-ГО

Примечательно, что Солженицын, не любитель революций, признает величие и значение Августа. Эти три дня «могли стать звездным часом в истории России. События несли черты настоящей революции: массовое воодушевление... Вольные изъятия уличной толпы. До горячего захлеба ощущение совершаемого великого исторического поворота».

Явственно тут сослагательное наклонение: «могли стать» — но не стали, «несли черты настоящей» — но лишь черты, «ощущение поворота» — но не поворот. Возможно, для Солже-

ницына Август был не отменой Октября 1917-го, но продолжением Февраля, которого дожидались 74 года, а уж как был проигран Февраль, как вообще проматываются, пробалтываются великие революции, об этом он тома написал — и не может отрешиться от мысли, что никакое благое историческое дело не решается революцией. Между тем оно именно так решается, хотя далеко не сразу. К благому революции не ведет, это правда, но открывает к нему пути, почему я и считаю Август событием величайшим в нашей истории, даже при том, что ожидания были обмануты. Теперь в ходу версия, что это был спектакль — в режиссуре Горбачева, но ее перехватил Ельцин, и танк ему подкатили в рифму с ленинским броневишком. Может быть, и спектакль, но кто мог предвидеть, что на сцену полезет зрительный зал? что москвичи не станут молча глазеть с тротуаров, как танки дерут асфальт, но преградят им путь и наладят общение с танкистами? Революция — это и всегда спектакль, и во всякой есть что-нибудь театральное — оперный штурм Бастилии в 1789-м, в дни Парижской коммуны 1871-го — опрокидон Вандомской колонны на подстилку из навоза, в Германии 1989-го — раскурочивание Берлинской стены, — но есть и непредвиденное, нежданное, что и делает событие историческим и судьбоносным, — участие масс, которые и сами себя привыкли считать покорным быдлом. Ну а немного погодя находит-ся кто-то, кто заглаживает великие следы, ставит Вандомскую колонну обратно на пьедестал, разбивает цветник на месте свержения Железного Феликса, загромождает митинговую Манежную площадь апогеем купеческой немудрой роскоши и апофеозом свинозадых коней. Всеу время. Время прикалывать красные бантики, и время

ими сорить на мостовую. Пришло время Августу звать себя немощным словом «тусовка».

Но революция все же была настоящая — никакой партии она не инспирирована и не может считаться ее заслугой, лишь чистым порывом к свободе — с этой высокой позиции мы и можем предъявить счеты тем, кто промотал, проболтал, извлек выгоду лишь для себя.

Мало кто хотел строить новую Россию, больше — свое благополучие. Этим, как ни крути, пролетарская революция выгодно отличалась. Можно ее представить самостоятельной бузотерой и хулиганом, и Солженицыну, в «Архипелаге» поиздевавшемуся над «революционной беготней», трудно думать иначе, однако ж бузотеры и хулиганы жертвовали собой — как Бабушкин, Халтурин, Бауман или кубинский Че Гевара. Их неподдельный энтузиазм был обманут. Но — умирали за народное счастье (как они его понимали), за новое общество, за светлые дали. Диссиденты, умевшие поставить на кон свою свободу и саму жизнь, позволили себя отгеснить партократам и комсомольцам. Та «абсурдность» польского характера, что понуждает их сражаться и в проигранной ситуации и потому-то иногда выигрывать, как выиграла «Солидарность», у нас что-то не прижилась. Но иного и быть не могло — если народная вера столько раз бывала обманута.

ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ

Все дальнейшее Солженицын воспринимает трагично, он с гневом и горечью осуждает «гай-чубайсовские реформы», ставит в вину Гайдару «шоковую терапию» и открытые цены — при монопольном производстве и отсутствии конкуренции, Чубайсу —

прихватизацию с «диловатым» словом «ваучер», откуда и пошла вся «разворовка», «разграб». Меры и впрямь страшненькие, приведшие к панике, к обнищанию, ко многим самоубийствам, — хотя по теории все было грамотно и никак не преступно, просто нужно было знать, в какую почву лягут семена реформ. Открытые цены могут быть прочтены иначе — несмотря на них (или — благодаря), понемногу заполнились пустые прилавки, а монополия даже способствует конкуренции. Когда Готлиб Даймлер изобрел автомобиль, а Карл Бенц его построил и выпустил в серию, они были монополистами, но их взвинченные цены не помешали Форду — а скорее, подтолкнули — начать сборку первого «фордика». Он выступил конкурентом — и задвинул отнюдь не был. Английское слово «voucher» означает расписку, ручательство, но метко замечает Солженицын и ловит за руку приватизаторов: в ваучерах была оценена лишь доля процента всероссийского добра, а кому и как продали остальное? И еще один вопрос, который только от него мы и услышали, — он это говорит о земле, но приложимо и к заводам, к рудникам и скважинам: откуда они у государства? кому принадлежали? не всем ли работникам? «Так прежде гомона о продаже поискать бы пути, как вернуть...»

Гай-чубайсовские реформы вряд ли были просто нелепостью, они имели целью создать класс богатых (а не средний, о котором вещалось), которые дело свободного рынка уже обеспечат своими стараниями — и процесс пойдет. (Эту же цель в Германии имела партия Гельмута Коля, которого непонятливые избиратели недавно прокатили с ветерком.) Богатым так понравится быть богатыми, что они и всех других захотят подтянуть до своего уровня. Не переставая быть эгоистами, они выполнят задачу альтруистическую. Вот это и есть простота, которая хуже воровства. Богатые, как известно, тоже плачут, но по другим поводам, не нашим с вами. Богатыми им нравится быть, но особая прелесть для них, что все вокруг много беднее. О том, как пошел процесс, знают истину банки — Швейцарии и княжества Лихтенштейн. Свои проблемы «new Russians» решили успешно, осталась одна — надолго ли хватит нашей нефти и газа, алмазов и золота. Впрочем, отчего бы им и не делать бабли из воздуха — уже буквально. Когда планета станет задыхаться от выхлопа, они сибирский воздух погонят по трубе на Запад, а соотечественники будут так же дожидаться причитающегося им по Конституции глотка дыхания, как сегодня — зарплаты.

Я сейчас прочитываю горы всякой премудрости о причинах кризиса и как залатать эту озоновую дыру в экономике. Кто говорит — без эмиссии не обойтись, лишь бы не девальвация, другой — в эмиссии-то и видит гибель, а девальвация — та выручит. И все временно, временно. Это напоминает мне, как, согласно легенде, перекликаются архангелогородцы на знаменитой речке Соломбале: «Иван, кидай якорь-то! Што не кидаешь?» — «Да ён непричальной!» — «Да мать его, что не причальной! Хотя немного, да подержит». Сколько «подержит» якорь непричальный, то есть не привязанный к судну, а лишь к бухте трога, этого я не знаю, но вертится в мозгу, меж «дефолтами» и «траншами», нечто совсем непарламентское: «Если не можете, господа, воровать по совести, так хотя бы — по уму. Ведь самим хуже». Мне кажется, «прихватизаторы» малость призадумались, пригорюнились — и может быть, кризис всем нам пойдет на пользу? И может быть, все решение проблемы — посчитать, кто сколько «прихватизировал», да постараться вернуть? Как просто, казалось бы. Ан не просто!

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС

И в чем бесконечно прав Солженицын, кризис наш — не политический,

не финансовый, не экономический, но — нравственный, духовный. Было так принято за основу и принцип, что движущими силами могут быть своекорыстие, жажда личной выгоды, которые почему-то считаются свойственным людской природе, нежели честность, порядочность, верность слову, альтруизм, а в первую голову — забота об отечестве, процветании родной страны. Вот что вышло в натуре:

«Страшней того, как успели разграбить и распродать Россию, — откуда выросло из нас это жестокое, зверское племя, эти алчные грязнохвата, захватившие и звание «новых русских»? с таким смаком и шиком разжиревшие на народной беде? Ведь еще губительнее нашей нужды — это повальное бесчестие, торжествующая развратная пошлость, просочившая новые верхи общества и изрыгаемая на нас изо всех телевизионных ящиков».

Солженицын, по-видимому, не допускает, что зверское племя выросло «из нас», то есть из русского народа, которому он всегдашний яростный защитник. Ему претило, когда советскую интервенцию в Афганистан называли русской — слишком жестоко отвечает нация за свои слабости и за насилие над ней. И можно ли считать русских целиком виновными в октябрьском перевороте, когда столько их билось три года против советской диктатуры? Нам, правда, приходилось слышать то же о латышских стрелках, о евреях-комиссарах, о полках-чекистах, о белочехах, сгубивших Колчака, — когда поднимался вопрос, допустимо ли решать судьбу чужого народа. Но поймем его боль и страсть, с которыми он отвергает всеохватные клейма: «долгие века Россия страдала маниакально-депрессивным психозом», «Россией принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной», «эта Русь переполнена скверною от покрышки до дна», «человеческий свиначник», «помойная яма». Это все омерзительно, только, право, не стоило бы объяснять происками Запада, прямо-таки вожделем гибели русской духовности (может быть, это Сорос, помогающий нашим нищим библиотекам?), злоумышленником радио «Свобода», агрессивным «расширением НАТО», — каковое и впрямь происходит, только не НАТО захватывает Польшу или Прибалтику, а они просятся под его защитное крыло, страшась реанимации русского коммунизма, по Солженицыну же, «космического злодеяния».

ИДЕОЛОГИЯ

В страстной своей защите он отрицает и необходимость защищаться от фашистской идеологии — «которой не было в России никогда — и совсем не она России угрожает». Ох, Александр Исаевич, вашими бы устами... С видимым облегчением эту фразу подхватили и выворачивают «национал-патриоты». И приятно, должно быть, узнать генералу Макашову, что никакой он не фашист. И даже не антисемит. Просто он жидов не любит. И Баркашов вовсе не штурмовые отряды готовит, просто ребята оружием увлекаются и строят. Разве что Проханов возразит, что пусть бы и фашизм, лишь бы государство было сильное. И стилизованная свастика нас не покоробит, и почитание Адольфа Алоизовича. Я не против, чтоб издавали «Mein Kampf», скучнее я в жизни не читывал, но ведь боготворят, не читая. Это уж наша черта — так же, не читая, гвоздили «Доктора Живаго».

Но — откуда же все-таки «зверское племя»? Да разве не оттуда, не из советской власти, блатной генетически? И не Солженицын ли нам поведал, как ленинцы еще до переворота шли на сычку с уголовниками и сами принимали грабительские «акции»? Это и не скрывалось никогда, в советских фильмах — «Яков Свердлов», «Первый курьер» — с добрым юмором показывалось, как урки сочувствовали революционеру (почему-то всегда большевикам — разбирались!), пре-

дупреждали о провокаторах и шпиках, помогали импортировать «Искру». А после Октября они пополняли кадры репрессивных органов — и если время от времени власть все же отстреливала блатных, это мы можем понять как «разборку» — меж теми, кто пролез в ЧК и кто остался верен воровскому закону. А еще попозже «социально близких» наускивали на политических, поощряя поблажками и сокращением сроков, — есть и об этом в «Архипелаге». В эпоху Брежнева приблатнение достигло самых верхов и разворовка пошла совсем весело, хозяин и сам пользовался величаво, беря взятки подарками и орденами, и другим позволял. Даже о низах проявлял заботу, отпустил грехи заводским и колхозным «несунам». До по-человечески и грязнохвата можно понять, они такие же, как все мы, жертвы «развитого социализма». Долгими годами они смотрели, облизываясь, как ничем не примечательные особи берут от власти что рука захватит, так нестесненно, как законную жену не берут за коленку, и не могло же не созреть в их головах: «Почему не я?»

Между прочим, при культе личности такой вопрос невозможен, он и обозначает сокрушение культа — равно, к сожалению, и всех вообще авторитетов. Маршал Жуков, отстоявший Москву, искренне считал, что это не удалось бы ему без Сталина. (Он так рассказывал моему другу, режиссеру В.Ордынскому, ставившему с его участием фильм «Если дорог тебе твой дом».) А незаменимый Сталин, в те октябрьские дни только дезертир и трус, когда Жуков возвращался к ночи с позиций, укладывал его спать на кушетку и самолично стягивал с него сапоги, не забыв спросить о себе — не отбыхать ли ему в Куйбышев, куда все правительство смылось. И всякий раз ответ был: «Без Сталина в Кремле — армия оборонять Москву не будет». А мысль, почему бы самому не возглавить если не всю страну, так всю армию, в голову «железному маршалу» не приходила. Нынче она приходит даже управдомам. Есть два занятия, за которые считается возможным приняться, не участв. — писать книги и управлять государством. И не сказать, что это чисто российское поверие; на футбольном чемпионате скандировали французы: «Зидана — в президенты!» Почему Зидана? Так два гола забил решающим! Кто же и выведет Францию в сверхдержавы?

Наши выборы — не ответственнее (уже и того довольно, что Президент перед вторым сроком ставит себе в плюс ошибки первого), и Солженицын предлагает сделать их двухступенчатыми, чтоб лучше знать нам кандидатов. То есть знать будем выборщиков, а уж они там дальше решат. Но в эпоху телевидения и Интернета как-нибудь разберемся мы в Явлинском, в Лебеде, в Лужкове, не столь это сложно. С другой стороны — что мы ведали о знатной ткачихе, которую выдвинула фабрика, дислоцированная в нашем районе? Голосование против обоих кандидатов — вариант остроумный, да как-то смахивает на скрытое неучастие. А участвовать-то — надо.

ПРОЗЮГАНИЛИ

Как ни относиться к Горбачеву, но двумя бесспорными завоеваниями мы обязаны ему. Это он провозгласил гласность, и это при нем первом было хоть подобие нормальных выборов, а не те издевательские, что назывались «новой победой блока коммунистов и беспартийных» (никогда не мог понять — над кем победа?). Мы так мечтаем о «сильной руке», не подозревая, что она растет из нашего же плеча. Гласность и выборы — вот две вожжи, которыми сам народ может управлять Россией. Эти две вожжи на Западе всегда туго натянуты, у нас они провисают. Провисшей вожжой править невозможно. «Да что зависит от моего голоса?» — говорит отчаявшийся. Очень многое зависит, если к нему

относиться как к той дробинке, что перетягивает чашу весов. В английском варианте — к соломинке, сломавшей хребет верблюду. В истории многих народов такие примеры были. У нас — к сожалению, негативные, но от этого не менее убедительные.

Независимость Соединенных Штатов от английской короны решилась перевесом всего в один голос. Один ответственный раздумчивый человек из тринадцати решил, что разрозненные провинции, объединившиеся в одно целое, — это уже новое государство, и пусть будет так. И стало семь против шести. Поскольку голосовали тайно, имя этого человека неизвестно. Наших раздумчивых выборщиков судьбы России мы знаем поименно.

Был исторический момент в нашей юдоли, который бездарно мы прозевали. Прозюжюкали. Прозюганили. Это когда после Августа замаячила идея суда над компартией — ну, не так чтобы Нюрнбергского, но все же грозившего ей легким, как пух от уст Эола, порицанием. Впрочем, при ином повороте мог бы последовать и президентский указ о люстрации — как в отсталой Чехословакии. Изъянясь компьютерным жаргоном, в кои-то веки столько людей — мягко скажем, не самых симпатичных — скопилось в одном файле (допустим, «KPSS.EXE» или «KPSS.COM»), и всех их нажатием клавиши можно было чохом переместить в «корзину» (Recycle Bin). Ну, а потом уже кое-кого, не столь полканистого или барбосистого, с учетом ходатайств, можно было бы и восстановить, переместить обратно в рабочие каталоги. Я так думаю, одну сотую наличного состава. Кто-нибудь скажет — одну тысячную. А кто — вообще никого. Это уж как референдум скажет.

Этого всего не допустил Зорькин, милейший предусмотрительный Зорькин, на тот час рукою злого Провидения выдвинутый в председатели Конституционного суда. Откуда-то из политического небытия явился он, чтоб свершить свое мрачное дело, и в небытие канул бесследно. А жаль, ему-то уготовано бессмертие в памяти народной. Разговоры о люстрации — впрочем, уже платонические — ведутся и ныне, и какая же замечательная логика выдвигается против! Да кто же не сотрудничал с КГБ? Да каждый десятый! Да и всякий, кто ездил за границу, писал отчеты — вот и сотрудничество. Выходит, если каждый десятый — вор, так остальные девять должны его простить? Оставим в покое отчеты о загранпоездках, оставим тех, кто сотрудничал, речь-то — не о возмездии, пусть себе зарабатывают на жизнь. Только — не руководите, господа. Вы уже науководили. Да ведь и в суде над коммунистами что такого ужасного? Совковое сознание настолько не приучено к приговорам оправдательным, что в самом процессе уже видит наказание. Но он может обернуться торжеством! Отчего не предположить, что добрые дела перевесят? Компартия должна бы даже потребовать суда над собой, и я не понимаю, почему она упустила такой выигрышный шанс.

САМОУПРАВЛЕНИЕ

Некогда писал мне Солженицын из Вермонта: «Сегодняшнее бедственное положение нашей родины — неизбежно, неисчерпаемо, неперечислимо».

Так оно и сегодня. На что же уповать нам — после всех поражений и потерь? Солженицын выдвигает идею народного самоуправления, напоминая о земствах, известных еще с XVI века и в которых все местные вопросы решались на местах же. Он выстраивает земскую вертикаль, систему «препоручения власти снизу доверху» и воздействия власти верховной на низы, вникает даже в такие детали, как число работников и кто должен быть на зарплате, а кто на общественных началах. Вертикаль стройна и соблазнительна, и есть статья в Конституции, дающая народному самоуправлению «добро», и были попытки создания, да, к сожалению, опали — то сопротивление местных властей, то, опять же, деньги надобны, а нет их. И здесь он обращает взор... к тем же скорохватам — правда, помягче названным:

«И наконец: не все же новобогаты — с обезумелым волчьим сердцем. Есть же среди них и открытые к благотворению, как это всегда велось на Руси. Среди нововыросших предпринимателей, утвердившихся денежно, есть же и порядочные люди — и они своим благотворением уже помогают добрым начинаниям».

То, что велось на Руси, нынче зовется «спонсорством» и, как говорится, имеет место, но в случаях редких, почти сказочных. И не только у нас. Некогда французы подарили американцам статуя Свободы, требовалось лишь воздвигнуть пьедестал, а это стоило 100 тысяч. Их собирали по крохам, жертвовали старики от своих пенсий, один мальчик прислал 16 долларов, экономленных на школьных завтраках. Ни один миллиардер не отстегнул эти 100 тысяч. А ведь какая слава его ждала — установил Miss Liberty, символ Америки! Нет, я думаю, у нас бы такая широкая натура нашлась, и благотворители раскошелятся (умеренно) на культуру, науку, медицину, но на построение власти, которая вдруг да их прижмет... Александр Исаевич, мы бы с вами не дали, правда?

А вот и признание автора: «...о самоуправлении, как его устроить — почти никогда не заговаривали, это — не в мыслях, я сам на то наводил». Вот это и смущает — почему же земства, которые так хороши и спасительны, не возникли повсеместно и самостийно, как возникают повстанческие комитеты? Не знали, с чем это едят? Но творчество масс тем и интересно, что идеи оно выхватывает буквально из воздуха. В Кровавое воскресенье в Петербурге строились первые баррикады, а где их видели россияне, в каком кино? Если власть препоручается снизу вверх, она и возникать должна инициативой низов. Если же вводить земства сверху, прямым законом Думы, не получим ли мы те же советы, где бал будут править партии, где целью будет подавление одного слоя населения другим и все-то марионеточное «самоуправление» сделается приводным ремнем центра?

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

На что ж еще уповать? Солженицын не занимать смелости — он обращает свои укоры и обвинения в дряблости и апатии против всех нас, он справедливо негодует — что же мы за народ такой, что вот этого не можем, не смеем, сами не додумаемся, не проявим энергии, ждем, когда верхи — коим до нас и дела нет — о нас позаботятся, наладят нам жизнь! Да мы же достойны нашей нищеты и унижения, и правильно нас презирают! Чуть не с детства мы усвоили — Боже упаси обвинять народ, только отдельных его представителей, — хотя писатель именно этим и занимается, укоряя и обвиняя читателя, то есть народ. И Солженицын, имеющий на это больше права, чем кто-либо другой, не только укоряет и обвиняет, он указывает на те характерные коренные черты нашего народа, которые считает спасительными, иммунными от распада, размыва, самоуничтожения. Он даже перечисляет их по пунктам:

В начале 60-х

«доверчивое смирение с судьбой... сострадательность: готовность помогать другим, делясь своим насущным... способность к самоотвержению и самопожертвованию... готовность к самоосуждению, раскаянию... непогоня за внешним жизненным успехом; непогоня за богатством, довольство умеренным достатком... открытость, прямота... несуетность, юмор, уживчивость... размах способностей, в самом широком диапазоне... широта характера, размах решений...»

Правда, эти обаятельные черты ничему злему в нашей истории не помешали, но все же они достаточны, чтоб сохраниться как личность, выжить — как Шухову Ивану Денисовичу. Но не время ли нам переориентироваться на героев иных, умеющих взять судьбу за рога? Солженицын и сам говорит об этом: «Чтобы XXI век не стал последним столетием для русских — мы должны найти в себе силы и умение сопротивляться распаду уже сейчас, и чем напорней разрушают нашу жизнь — тем напорней бы и сопротивляться».

Однако: позволит ли это нам наш национальный характер?..»

Похоже, сам он считает, что такой, как сейчас, — едва ли. И дополняет свой список последней надеждой: «Если в предстоящие десятилетия мы будем еще, еще терять и объем населения, и территории, и даже государственность — то одно нетленное и останется у нас: православная вера и источаемое из нее высокое мироучастие».

Но — если не терять? Если вернуть потерянное? Здесь Солженицын — сам-то боец несравненный — высказывается, всего лишь, за «доверчивое смирение с судьбой...» А я бы дополнил его список еще одной чертой, достаточно известной — правда, она всегда приводится в связке с другим народом, некогда нам противостоявшим. Немцы выигрывают все сражения, кроме последнего; русские же — напротив, все проигрывают — кроме последнего. Эту черту признает мир и восхищается ею, пусть бы он презирал все другие, — способность упереться на последнем рубеже и от него начать по-другому. Это показали они в 1941 году у околицы Москвы, а в 1942-м — на кроме волжского берега, те же самые люди, кто в панике убежал, сдавался оптом и в розницу, — нет, конечно, не те, но такие же! И было их численно меньше — в ротах по 15 — 17 штыхов. Но торжествовала здесь мысль Толстого, что не числом штыхов решается дело, а — духом армии. Эта черта, пожалуй, устрашающее для недругов нашей Свободы, пытающихся нас загнать обратно, откуда мы сумели вырваться. Может быть, мы им проиграем все бои. Кроме последнего.

Георгий ВЛАДИМОВ